

АЛЬМАНАХ

АЛЬМАНАХ
ВСЕМИРНОГО
ОСТРОУМИЯ № 3

Альманах

Альманах всемирного остроумия № 3

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21997965

Альманах "Всемирного Остроумия" № 3: ООО "Остеон-Пресс"; Ногинск;

2016

ISBN 978-5-85689-142-2

Аннотация

Предлагаем вниманию читателя новый сборник исторических анекдотов, курьёзных, забавных и попросту примечательных историй из жизни русских и зарубежных государей, политических деятелей, видных представителей культуры и простых обывателей прошлого и позапрошлого веков, от которых мы отделены целыми эпохами.

Содержание

Вместо предисловия. Что такое «анекдот»?	4
Гимн русскому чиновнику	8
В Петровские времена	9
Бироновщина	12
Тимофей Кульковский и иже с ним	13
Елизаветинское правосудие	24
Шут И. А. Балакирев	26
Ян Д'акоста	34
Антонио Педрилло	41
А. П. Сумароков[7]	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Альманах всемирного остроумия № 3

Вместо предисловия. Что такое «анекдот»?

Давным-давно анекдотами в русской литературе назывались различные исторические курьёзы, приключавшиеся или приписывавшиеся различным историческим личностям, от Александра Македонского до современных рассказчику и слушателям королей и императоров. Ещё подобные курьёзы именовались «смехотворными повестями» или, на польский лад, «фацециями» и «жартами». Вообще же жанр анекдота впервые появился в Западной Европе вместе с развитием новелл и легких шуточных рассказов вроде, напр., «Декамерона» Боккаччо. Веселая шутка получала в них все более и более перевеса, и наконец в сборниках стали являться анекдоты весьма неприличные, целью которых было не поучение и наставление читателя, как прежде, а исключительно его забава. Таким образом появились фацеции, т. е. смешные и скандальные рассказы и анекдоты, остроумные изречения и шутки. Их собирателями часто являлись люди, очень известные серьезными заслугами и ученостью,

напр. итальянец Поджио Браччиолини, которого даже считают основателем этого рода литературных произведений. После появления в 1470 году «*Poggii Florentini Facetiarum liber*», потом много раз издававшейся в самой Италии в XV и XVI в. и переведенной на французский и итальянский язык (с латинского), в Риме и Венеции стали появляться многочисленные другие издания анекдотических сборников. Из его последователей более известными были: Генрих Бебель, Фришлин, в особенности Меландр, которого «*Jocorum atque sciorum libri*» явились в свет 1600 г. В итальянской литературе получили большую известность «*Mottie facezie*» Арлотте, сборники Корнаццани, Доменики и др.; во французской – «*Moyen de parvenir*», книга, приписываемая Бероальду де Вервиллю или Рабле; в немецкой «*Scherz mit der Wahrheit*» и «*Schimpf und Ernst*» Иоганна Паули. В старинной описи библиотеки наших государей XVII ст. упоминаются некоторые из этих юмористических сборников. Крайнюю степень развития этой шуточной литературы можно видеть в чрезвычайно любопытной книжке, изданной в первые годы XVII ст. под названием «*Facetiae Facetiarum*»; здесь обыкновенные сюжеты фаций передаются в ученой форме; это собрание псевдоученых диссертаций, на которые потрачена, однако, страшная эрудиция, со множеством цитат из древних и новых писателей и строгими приемами схоластической науки.

В старинной польской литературе западные фации при-

нимались с большою охотой и даже затрагивали народную юмористическую струну. Некоторые авторы, как Рей или Кохановский, писали тоже подобные анекдоты стихами (ср. Кохановского «Fraszki»). В русской литературе тоже известны подобные сборники XVII в., напр. «Смехотворные повести» в Толстовской рукописи «добре с польска исправлены языка и читать поданы сто осмьдесят осмого (т. е. 7188 или 1680 г.) ноемврия дня осмого; преведшего же имя от б начинаемо в числе афг слагаемо». Подлинником этих известий Пыпин считает польскую книгу, описанную Матцеевским (Pismiennictwo Polskie 3.169). «Facecye polskie. Żartowne a trefne powieść biesiadne, takze rozmaitych authorow, jako te ż i z powieści ludzkiej zebrane». Этот сборник по своему содержанию вообще похож на такие же западноевропейские сборники; тут встречаются коротенькие шуточные рассказы, из которых многие говорят о женской злобе, затем более обширные повести и даже одна новелла из «Декамерона».

Кроме того, к XVIII в. относятся некоторые стихотворные сочинения забавного и шуточного содержания и сборники анекдотов вроде «Смехотворных повестей». И то и другое под общим названием *примеров* и *жартов* встречается в рукописи XVIII столетия из Погодинского собрания 1777, где даже повторяются некоторые анекдоты, взятые из «Смехотворных повестей». Подобное содержание находим в одной из Фроловских рукописей Публ. библиот. под загл.: «Ги-

стория о разных курьезных амурных случаях». Истории, заимствованные из этих сборников, были напечатаны 1789 г. в простонародной книжке «Старичок Весельчак», рассказывающей давние московские были и польские диковинки (С.-Петербург, 70 стр.). Эта книжка без всяких перемен перепечатывается даже в настоящее время. Некоторые истории перешли тоже и в лубочные издания. Ср. *Пыпин*, «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских» в «Ученых записках II отд. Имп. Акад. Наук».

Гимн русскому чиновнику

Сегодня, обсуждая различные насущные вопросы, включая падение второй, уже советской империи, построенной на обломках самодержавной России, и проблемы России современной многие русские люди единодушно сходятся на том, что основными виновниками ее падения и разорения были именно проворовавшиеся, тупые и алчные чиновники, разворовавшие страну. Фантастические суммы, изымаемые из закромов современных российских чиновников подтверждают, что и нынешние русские казнокрады пошли задолго до них проторенным путём.

В Петровские времена

Государь (Петр I), заседаая однажды в Сенате и слушал дела о различных воровствах, за несколько дней до того случившихся, в гневe своем клялся пресечь оные и тотчас сказал тогдашнему генерал-прокурору Павлу Ивановичу Ягужинскому: «Сейчас напиши от моего имени указ во все государство такого содержания: что если кто и на столько украдет, что можно купить веревку, тот, без дальнейшего следствия, повешен будет». Генерал-прокурор, выслушав строгое повеление, взялся было уже за перо, но несколько поудержавшись, отвечал монарху: «Подумайте, Ваше Величество, какие следствия будет иметь такой указ?» – «Пиши, – прервал государь, – что я тебе приказал».

Ягужинский все еще не писал и наконец с улыбкою сказал монарху: «Всемиловитейший государь! Неужели ты хочешь остаться императором один, без слугителей и подданных? Все мы ворует, с тем только различием, что один более и приметнее, нежели другой».

Государь, погруженный в свои мысли, услышав такой забавный ответ, рассмеялся и замолчал.

* * *

Привезши Петру Алексеевичу стальные русские изделия;

показывал их после обеда гостям и хвалил отделку: не хуже-де английской. Другие вторили ему, а Головин-Бас, тот, что в Париже дивился, как там и ребятишки на улицах болтали по-французски, посмотрел на изделия, покачал головою и сказал: хуже! Петр Алексеевич хотел переуверить его; тот на своем стоял. Вышел из терпения Петр Алексеевич, схватил его за затылок и, приговаривая три раза «не хуже», дал ему в спину инструментом три добрых щелчка, а Бас три же раза твердил свое «хуже». С тем и разошлись.

* * *

Один монах у архиерея, подавая водку Петру I, споткнулся и его облил, но не потерял рассудка и сказал: «На кого капля, а на тебя, государь, излился вся благодать».

* * *

Шереметев под Ригию захотел поохотиться. Был тогда в нашей службе какой-то принц с поморья, говорили, из Мекленбургии. Петр Алексеевич ласкал его. Поехал и он за фельдмаршалом (Б. П. Шереметевым). Пока дошли до зверя, принц расспрашивал Шереметева о Мальте; как же не отвязывался и хотел знать, не ездил ли он еще куда из Мальты, то Шереметев провел его кругом всего света: вздумалось-де

ему объехать уже всю Европу, взглянуть и на Царьград, и в Египте пожариться, посмотреть и на Америку. Румянцев, Ушаков, принц, обыкновенная беседа государева, воротились к обеду. За столом принц не мог довольно надивиться, как фельдмаршал успел объехать столько земель. «Да, я посылал его в Мальту». – «А оттуда где он ни был!» И рассказал все его путешествие. Молчал Петр Алексеевич, а после стола, уходя отдохнуть, велел Румянцеву и Ушакову остаться; отдавая потом им вопросные пункты, приказал взять по ним ответ от фельдмаршала, между прочим: от кого он имел отпуск в Царьград, в Египет, в Америку. Нашли его в пылу рассказа о собаках и зайцах. «И шутка не в шутку; сам иду с повинною головою», – сказал Шереметев. Когда же Петр Алексеевич стал журить его за то, что так дурачил иностранного принца: «Детина-то он больно плоховатый», – отвечал Шереметев. – Некуда было бежать от расспросов. Так слушай же, подумал я, а он и уши развесил».

* * *

Бироновщина

Бирон, как известно, был большой охотник до лошадей. Граф Остейн, Венский министр при Петербургском Дворе, сказал о нем: «Он о лошадях говорит как человек, а о людях как лошадь».

* * *

Во время коронации Анны Иоанновны, когда государыня из Успенского собора пришла в Грановитую палату, внутренность которой старец описал «с удивительною точностью», и поместилась на троне, вся свита установилась на свои места, то вдруг государыня встала и с важностью сошла со ступеней трона. Все изумились, в церемониале этого указано не было. Она прямо подошла к князю Василию Лукичу Долгорукову, взяла его за нос, – «нос был большой, батюшка», – пояснил старец, – и повела его около среднего столба, которым поддерживаются своды. Обведя кругом и оставшись против портрета Грозного, она спросила:

- Князь Василий Лукич, ты знаешь, чей это портрет?
- Знаю, матушка государыня!
- Чей он?
- Царя Ивана Васильевича, матушка.
- Ну, так знай же и то, что хотя баба, да такая же буду,

как он: вас семеро дураков собралось водить меня за нос, я тебя прежде провела, убирайся сейчас в свою деревню, и чтоб духом твоим не пахло!

* * *

Тимофей Кульковский и иже с ним

В одном обществе очень пригоженькая девица сказала Кульковскому¹:

– Кажется, я вас где-то видела.

– Как же, сударыня! – тотчас отвечал Кульковский, – я там весьма часто бываю.

* * *

До поступления к герцогу (Бирону) Кульковский был очень беден. Однажды ночью забрались к нему воры и начали заниматься приличным званию их мастерством.

Проснувшись от шума и позевывая, Кульковский сказал

¹ Тимофей Кульковский – придворный шут Анны Иоанновны. До того, как был приглашён Бироном ко двору императрицы Анны Иоанновны, был торговцем на Украине. Некоторое время служил в армии. Бирону понравился расторопный, остроумный и своенравный прапорщик, и он пригласил его быть шутом при дворе. Тот согласился.

им, нимало не сердясь:

– Не знаю, братцы, что вы можете найти здесь в потемках, когда я и днем почти ничего не нахожу.

* * *

– Вы всегда любезны! – сказал Кульковский одной благо-
родной девушке.

– Мне бы приятно было и вам сказать то же, – отвечала она с некоторым сожалением.

– Помилуйте, это вам ничего не стоит! Возьмите только пример с меня – и солгите! – отвечал Кульковский.

* * *

Известная герцогиня Бенигна Бирон² была весьма обиже-

² Герцогиня Бенигна Готлиба Бирон (1703–1782) – супруга герцога Курляндского Эрнста Иоганна Бирона. Дочь курляндского дворянина Вильгельма Тротта фон Трейдена (нем. Trotta, genannt Treyden). В 1720 году она стала фрейлиной (фр. dame d'honneur) при дворе герцогини курляндской Анны Иоанновны, а через 3 года после этого вышла замуж за Эрнста Иоганна Бирона. Сохранились очень нежные письма к ней Бирона 1721 и следующих годов; он её называл «einzige auserwählte Seele». По словам современников, Бирон женился на Бенигне Готлибе против воли её родственников, но с согласия герцогини, имевшей в виду, как передают, предупредить слухи касательно отношений к ней Бирона. Бенигна Готлиба была некрасива и болезненна; лицо её было испорчено оспой. Во время коронавания Анны Иоанновны супруга Бирона значилась уже в числе статс-дам Императрицы, а затем играла очень видную роль при дворе.

на оспой и вообще на взгляд не могла назваться красивою, почему, сообразно женскому кокетству, старалась прикрывать свое безобразие белилами и румянами. Однажды, показывая свой портрет Кульковскому, спросила его:

– Есть ли сходство?

– И очень большое, – отвечал Кульковский, – ибо портрет походит на вас более, нежели вы сами.

Такой ответ не понравился герцогине, и, по приказанию её, ему дано было 50 палок.

Вскоре после того на куртаге, бывшем у Густава Бирона, находилось много дам чрезмерно развращенных. Придворные, зная случившееся с Кульковским и желая ему посмеяться, спрашивали:

– Которая ему кажется пригожее других?

Он отвечал:

– Этого сказать не могу, потому что в живописи я не искусен.

Но когда об одном живописце говорили с сожалением, что он пишет прекрасные портреты, а дети у него очень непригожи, то Кульковский сказал:

– Что же тут удивительного: портреты он делает днём...

Одна престарелая вдова, любя Кульковского, оставила ему после смерти свою богатую деревню. Но молодая племянница этой госпожи начала с ним спор за такой подарок, не по праву ему доставшийся.

– Государь мой! – сказала она ему в суде, – вам досталась

эта деревня за очень дешевую цену!

Кульковский отвечал ей:

— Сударыня! Если угодно, я вам её с удовольствием уступлю за ту же самую цену.

* * *

Один подьячий сказал Кульковскому, что соперница его перенесла свое дело в другой приказ.

— Пусть переносит хоть в ад, — отвечал он, — мой поверенный за деньги и туда за ним пойдет!

* * *

Профессор элоквенции Василий Кириллович Тредиаковский также показывал свои стихи Кульковскому. Однажды он поймал его во дворце и, от скуки, предложил прочесть целую песнь из своей поэмы «Тилемахида».

— Которые тебе, Кульковский, из стихов больше нравятся? — спросил он, окончив чтение.

— Те, которых ты еще не читал¹ — отвечал Кульковский.

* * *

Кульковский ухаживал за пригожей и миловидной деви-

цею. Однажды, в разговорах, сказала она ему, что хочет знать ту особу, которую он более всего любит. Кульковский долго отговаривался и наконец, в удовлетворение её любопытства, обещал прислать ей портрет той особы. Утром получила она от Кульковского сверток с небольшим зеркалом и, поглядев-шись, узнала его любовь к ней.

* * *

Однажды Бирон спросил Кульковского:

– Что думают обо мне россияне?

– Вас, Ваша Светлость, – отвечал он, – одни считают Богом, другие сатаною и никто – человеком.

* * *

Прежний сослуживец Кульковского поручик Гладков, сидя на ассамблее с маркизом де ля Шетарди, хвастался ему о своих успехах в обращении с женщинами. Последний, наскучив его самохвальством, встал и, не говоря ни слова, ушел.

Обиженный поручик Гладков, обращаясь к Кульковскому, сказал:

– Я думал, что господин маркиз не глуп, а выходит, что он рта разинуть не умеет.

– Ну и врешь! – сказал Кульковский, – я сам видел, как

он во время твоих рассказов раз двадцать зевнул.

* * *

Другой сослуживец Кульковского был офицер по фамилии Гунд, что в переводе с немецкого языка на русский значит собака. Две очень тощие старухи как то раз перессорились из-за него и чуть не подрались.

Кульковский сказал при этом:

– Часто мне случалось видеть, что собаки грызутся за кость, но в первый раз вижу, что кости грызутся за собаку.

Пожилая госпожа, будучи в обществе, уверяла, что ей не более сорока лет от роду. Кульковский, хорошо зная, что ей уже за пятьдесят, сказал:

– Можно ей поверить, потому что она больше десяти лет в этом уверяет.

* * *

Известный генерал Д. (А. А. фон Девиц) на восьмидесятом году от роду женился на молоденькой и прехорошенькой немке из города Риги. Будучи знаком с Кульковским, писал он к нему из этого города о своей женитьбе, прибавляя при этом:

– Конечно, я уже не могу надеяться иметь наследников.
Кульковский ему отвечал:

– Конечно, надеяться вы не можете, но всегда должны опасаться, что они будут.

* * *

Сам Кульковский часто посещал одну вдову, к которой ходил и один из его приятелей, лишившийся ноги под Очаковым, а потому имевший вместо нее деревяшку.

Когда вдова показалась с плодом, то Кульковский сказал приятелю:

– Смотри, братец, ежели ребенок родится с деревяшкой, то я тебе и другую ногу перешибу.

* * *

Двух кокеток, между собою поссорившихся, Кульковский спросил:

– О чем вы бранитесь?

– О честности, – отвечали они.

– Жаль, что вы взбесились из-за того, чего у вас нет, – сказал он.

* * *

Кульковский однажды был на загородной прогулке, в веселой компании молоденьких и красивых девиц. Гуляя по-лем, они увидали молодого козленка.

— Ах, какой миленький козленок! — закричала одна из де-виц, — Посмотрите, Кульковский, у него еще и рогов нет.

— Потому что он еще не женат, — подхватил Кульковский.

* * *

Красивая собою и очень веселая девица, разговаривая с Кульковским, между прочим смеялась над многоженством, позволенным магометанам.

— Они бы, сударыня, конечно, с радостью согласились иметь по одной жене, если бы все женщины были такие, как вы, — сказал ей Кульковский.

* * *

При всей красоте своей и миловидности девица эта была очень худощава, поэтому и спрашивали Кульковского:

— Что привязало его к такой сухопарой и разве не мог он найти пополнее?

– Это правда, она худощава, – отвечал он, – но ведь от этого я ближе к ее сердцу и тем короче туда дорога.

* * *

Молодая и хорошенькая собою дама на бале у герцога Бирона сказала во время разговоров о дамских нарядах:

– Нынче все стало так дорого, что скоро нам придется ходить нагими.

– Ах, сударыня! – подхватил Кульковский, – это было бы самым лучшим нарядом.

* * *

На параде, во время смотра войск, при бывшей тесноте, мошенник, поместившись за Кульковским, отрезал пуговицы с его кафтана. Кульковский, заметив это и улучив время, отрезал у вора ухо.

Вор закричал:

– Мое ухо.

А Кульковский:

– Мон пуговицы!

– На! На! вот твои пуговицы!

– Вот и твое ухо!

* * *

Герцог Бирон послал однажды Кульковского быть вместо себя приемником от купели сына одного камер-лакея. Кульковский исполнил это в точности, но когда докладывал о том Бирону, то сей, будучи чем-то недоволен, назвал его ослом.

— Не знаю, похож ли я на осла, — сказал Кульковский, — но знаю, что в этом случае я совершенно представлял вашу особу.

* * *

В то время когда Кульковский состоял при Бироне, почти все служебные должности, особенно же медицинские, вверялись только иностранцам, весьма часто вовсе не искусным.

Осмеивая этот обычай, Кульковский однажды сказал своему пуделю:

— Неудача нам с тобой, мой Аспид: родись ты только за морем, быть бы тебе у нас коли не архиатером (главным врачом), то, верно, фельдмедикусом {главный врач при армии в походе).

* * *

Старик Кульковский, уже незадолго до кончины, пришел однажды рано утром к одной из молодых и очень пригожих оперных певиц.

Узнав о приходе Кульковского, она поспешила встать с постели, накинуть пеньюар и выйти к нему.

— Вы видите, — сказала она, — для вас встают с постели.

— Да, — отвечал Кульковский вздыхая, — но уже не для меня делают противное.

* * *

Елизаветинское правосудие

«Государыня (Елизавета Петровна), – сказал он (генерал-полицмейстер А. Д. Татищев) придворным, съехавшимся во дворец, – чрезвычайно огорчена донесениями, которые получает из внутренних губерний о многих побегах преступников. Она велела мне изыскать средство к пресечению сего зла: средство это у меня в кармане». – «Какое?» – спросили его. «Вот оно», – отвечал Татищев, вынимая новые штемпели для клеймения. «Теперь, – продолжал он, – если преступники и будут бегать, так легко их ловить». – «Но, – возразил ему один присутствовавший, – бывают случаи, когда иногда невинный получает тяжкое наказание и потом невинность его обнаруживается: каким образом избавите вы его от поносительных знаков?» – «Весьма удобным, – отвечал Татищев с улыбкою, – стоит только к словам „вор“ прибавить еще на лице две литеры „н“ и „е“». Тогда новые штемпели были разосланы по Империи...

* * *

Князь Никита (Трубецкой) был с грехом пополам. Лопухиным, мужу и жене, урезали языки и в Сибирь сослали их по его милости; а когда воротили их из ссылки, то он из первых прибежал к немым с поздравлением о возвращении. По

его же милости и Апраксина, фельдмаршала, паралич разбил. В Семилетнюю войну и он был главнокомандующим. Оттуда (за что, то их дело) перевезли его в Подзорный дворец, что у Трех Рук, и там был над ним кригерат³, а презусом⁴ в нем был князь Никита. Содержался Апраксин под приглядом капрала. Елизавета Петровна (такая добрая, что однажды, заведя гурт быков и на её вопрос, куда гнали, услышав, что гнали на бойню, велела воротить его на царскосельские свои луга, а деньги за весь гурт выдала из Кабинета), едучи в Петербург, заметила как-то Апраксина на крыльце Подзорного дворца и приказала немедля кончить его дело, и если не окажется ничего нового, то объявить ему тотчас и без доклада ей монаршую милость. Презус надоумил асессоров, что когда на допросе он скажет им «приступить к последнему», то это и будет значить объявить монаршую милость. «Что ж, господа, приступить бы к последнему?» Старик от этих слов затрясся, подумал, что станут пытаться его, и скоро умер.

³ Кригерат, кригерехт или «воинский суд» – по Воинскому уставу Петра Великого 1716 г., разделялся на генеральный и полковой: первый – для дел более важных, под предс. фельдмаршала или генерала, второй – для других военно-судебных дел, под предс. полковника или «полуполковника». Термин К. просуществовал в нашем законодательстве до издания военно-уголовного устава 1839 г.

⁴ Презус – до военно-судебной реформы 1867 г. так назывался председатель военного суда.

* * *

Шувалов, заспорив однажды с Ломоносовым, сказал сердито: «Мы отставим тебя от Академии». — «Нет, — возразил великий человек: — разве что Академию отставите от меня».

* * *

Действительный тайный советник князь Иван Васильевич Одоевский, любимец Елизаветы, почитался в числе первейших лжецов. Остроумный сын его, Николай Иванович (умер в 1798 г.), шутя говорил, что отец его на исповеди отвечал: «и на тех лгах, иже аз не знах».

* * *

Шут И. А. Балакирев

Иван Емельянович Балакирев, сын бедного дворянина, был сперва стряпчим в Хутынском монастыре близ Новгорода, а потом, вытребованный в 1718 году, наравне с другими дворянами, в Петербург на службу, определен «к инженерному учению». В столице он случайно познакомился

с царским любимцем камергером Монсом, понравился ему своим веселым характером, балагурством и находчивостью и сделался его домашним человеком. Монс, уже владевший тогда сердцем императрицы Екатерины I, доставил Балакиреву место камер-лакея, поручал ему выведывать и выслушивать придворные новости и разговоры и при его содействии продавал разным лицам свои услуги и заступничество. Прикинувшись шутом, бывший стряпчий сумел обратить на себя внимание Петра Великого и получил право острить и дурачиться в его присутствии. Однако Балакиреву недолго пришлось пользоваться выгодами своего нового положения. Арестованный в 1724 году вместе с Монсом, он подвергся пытке и за «разные плутовства» наказан нещадно батогами и сослан в Рогервик в крепостные работы. По вступлении на престол Екатерины I Балакирев был возвращен из ссылки и определен в Преображенский полк солдатом. Несмотря на все старания и хлопоты, он только в царствование Анны Ивановны попал снова ко двору и получил звание придворного шута. Наученный горьким опытом, Балакирев вел себя очень осторожно и заботился более всего о том, чтобы обеспечить себя на черный день. Анна Ивановна, по-видимому, благоволила к нему; по крайней мере когда в 1732 году Балакирев женился на дочери посадского Морозова и не получил обещанных ему в приданое 2000 руб... императрица приказала немедленно и не принимая никаких отговорок «доправить» эти деньги с Морозова и отдать их Бала-

киреву. В другой раз он вздумал разыграть лотерею, и Анна Ивановна усердно хлопотала о раздаче билетов. «При сем посылаю вам, – писала она в Москву С.А. Салтыкову, – бумажку: Балакирев лошадь проигрывает в лот, и ты изволь в Москве приказать, чтоб подписались, кто хочет и сколько кто хочет, и ты пожалуй подпиши, а у нас все пишут». Здесь будет кстати заметить, что многочисленные анекдоты о Балакиреве, изданные несколько раз и во множестве экземпляров, большею частью выдуманы или заимствованы из польских книжек подобного же содержания. Ни один из современных Петру Великому писателей, рассказывая о царских забавах, даже не упоминает имени Балакирева.

* * *

Остроумный шут Балакирев, поражая бояр и чиновников насмешками и проказами, нередко осмеливался и государю делать сильные замечания и останавливать его в излишествах хитрыми выдумками, за что часто подвергался его гневу и собственной своей ссылке, но по своей к нему преданности не щадил самого себя.

Однажды случилось ему везти государя в одноколке. Вдруг лошадь остановилась посреди лужи для известной надобности. Шут, недовольный остановкою, ударил ее и прикрикнул, искоса поглядывая на соседа: «Точь- в-точь Петр Алексеевич!» – «Кто?» – спросил государь. «Да эта кляча», –

отвечал хладнокровно Балакирев. «Почему так?» – закричал Петр, вспыхнув от гнева, да так... «Мало ли в этой луже дряни; а она все еще подбавляет ее; мало ли у Данилыча всякого богатства, а ты всё еще пичкаешь», – сказал Балакирев.

* * *

Однажды государь спорил о чем-то несправедливо и потребовал мнения Балакирева; он дал резкий и грубый ответ, за что Петр приказал его посадить на гауптвахту, но, узнав потом, что Балакирев сделал справедливый, хотя грубый ответ, приказал немедленно его освободить. После того государь обратился опять к Балакиреву, требуя его мнения о другом деле. Балакирев вместо ответа, обратившись к стоявшим подле него государевым пажам, сказал им: «Голубчики мои, ведите меня поскорее на гауптвахту».

* * *

– Знаешь ли ты, Алексеич! – сказал однажды Балакирев государю при многих чиновниках, – какая разница между колесом и стряпчим, то есть вечным приказным?

– Большая разница, – сказал, засмеявшись, государь, – но ежели ты знаешь какую-нибудь особенную, так скажи, и я буду ее знать.

– А вот видишь какая: одно криво, а другое кругло, однако это не диво; а то диво, что они как два братца родные друг на друга походят.

– Ты заврался, Балакирев, – сказал государь, – никакого сходства между стряпчим и колесом быть не может.

– Есть, дядюшка, да и самое большое.

– Какое же это?

– И то и другое надобно почаще смазывать...

* * *

Один из камергеров был очень близорук и всячески старался скрывать этот недостаток. Балакирев беспрестанно трунил над ним, за что однажды получил пощечину, и решился непременно отплатить за обиду.

Однажды во время вечерней прогулки императрицы по набережной Фонтанки Балакирев увидел на противоположном берегу, в окне одного дома, белого пуделя.

– Видите ли вы, господин камергер, этот дом? – спросил Балакирев.

– Вижу, – отвечал камергер.

– А видите ли открытое окно на втором этаже?

– Вижу.

– Но подержу пари, что вы не видите женщины, сидящей у окна, в белом платке на шее.

– Нет, вижу, – возразил камергер.

Всеобщий хохот удовлетворил мщению Балакирева.

* * *

В одну из ассамблей Балакирев наговорил много лишнего, хотя и справедливого. Государь, желая остановить его и вместе с тем наградить, приказал, как бы в наказание, по установленному порядку ассамблей, подать Кубок Большого Орла.

– Помилуй, государь! – вскричал Балакирев, упав на колена.

– Пей, говорят тебе! – сказал Петр как бы с гневом.

Балакирев выпил и, стоя на коленях, сказал умоляющим голосом:

– Великий государь! Чувствую вину свою, чувствую милостивое твое наказание, но знаю, что заслуживаю двойного, нежели то, которое перенес. Совесть меня мучит! Повели подать другого орла, да побольше; а то хоть и такую парочку!

* * *

По окончании с Персией войны многие из придворных, желая посмеяться над Балакиревым, спрашивали его: что он там сидел, с кем знаком и чем он там занимался. Шут всё отмалчивался. Вот однажды в присутствии государя и мно-

гих вельмож один из придворных спросил его: «Да знаешь ли ты, какой у персиян язык?»

– И очень знаю, – отвечал Балакирев.

Все вельможи удивились. Даже и государь изумился. Но Балакирев только и твердит, что «знаю».

– Ну а какой же он? – спросил шутя Меншиков.

– Да такой красной, как и у тебя, Алексаша, – отвечал шут.

Вельможи все засмеялись, и Балакирев был доволен тем, что верх остался на его стороне.

* * *

Один придворный спросил Балакирева:

– Не знаешь ли ты, отчего у меня болят зубы?

– Оттого, – отвечал шут, – что ты их беспрестанно колотишь языком.

Придворный был точно страшный говорун и должен был перенести насмешку Балакирева без возражений.

* * *

Некогда одна бедная вдова заслуженного чиновника долгое время ходила в Сенат с прошением о пансионе за службу се мужа, но ей отказывали известий поговоркой: «Приди, матушка, завтра». Наконец она прибегнула к Балакиреву, и

тот взялся ей помочь.

На другой день, нарядив её в черное платье и наклепив на оное бумажные билетцы с надписью «приди завтра», в сем наряде поставил ее в проходе, где должно проходить государю. И вот приезжает Петр Великий, всходит на крыльцо, видит сию женщину, спрашивает: «Что это значит?» Балакирев отвечал: «Завтра узнаешь, Алексеевич, об этом!» – «Сейчас хочу!» – вскричал Петр. «Да ведь мало ли мы хотим, да не все так делается, а ты взойди прежде в присутствие и спроси секретаря; коли он не скажет тебе „завтра“, как ты тотчас же узнаешь, что это значит».

Петр, заметив сие дело, взошел в Сенат и грозно спросил секретаря: «Об чем просит та женщина?» Тот побледнел и сознался, что она давно уже ходит, но что не было времени доложить Вашему Величеству.

Петр приказал, чтобы тотчас исполнили ее просьбу, и долго после сего не было слышно «приди завтра».

* * *

«Точно ли говорят при дворе, что ты дурак?» – спросил некто Балакирева, желая ввести его в замешательство и тем пристыдить при многих особах. Но он отвечал: «Не верь им, любезный, они ошибаются, только людей морочат, да мало ли, что они говорят? Они и тебя называют умным; не верь им, пожалуйста, не верь».

Петр I спросил у шута Балакирева о народной молве насчет новой столицы Санкт-Петербурга.

– Царь-государь! – отвечал Балакирев. – Народ говорит: с одной стороны море, с другой – горе, с третьей – мох, а с четвертой – ох!

Петр, распалясь гневом, закричал «ложись!» и несколько раз ударил его дубиной, приговаривая сказанные им слова.

Ян Д'акоста

Ян д'Акоста, португальский жид, несколько лет странствовал по Европе, перебиваясь мелкими аферами; держал маклерскую контору в Гамбурге и наконец пристал в качестве приживальщика к бывшему там русскому резиденту, с которым и приехал в Россию. Смешная фигура, умение говорить понемногу на всех европейских языках и свойственная еврейскому племени способность подделаться и угодить каждому доставили ему место придворного шута. Он был чрезвычайно хитер и превосходно знал священное писание. Петр Великий любил вступать с ним в богословские споры и за усердную шутовскую службу пожаловал ему титул «самоедского короля» и подарил безлюдный и песчаный остров Соммерс, один из средних островов Финского залива.

* * *

Один молодец, женись на дочери Д'Акосты, нашел ее весьма непостоянною и, узнав то, всячески старался ее исправить. Но, усмотрев в том худой успех, жаловался ее отцу, намекая, что хочет развестись с женой. Д'Акоста, в утешение зятю, сказал: «Должно тебе, друг, терпеть. Ибо мать ее была такова же; и я также не мог найти никакого средства; да после, на 60-м году, сама исправилась. И так думаю, что и дочь ее, в таких летах, будет честною, и рекомендую тебе в том быть благонадежно».

* * *

Д'Акоста, будучи в церкви, купил две свечки, из которых одну поставил перед образом Михаила-архангела, а другую, ошибкой, перед демоном, изображенным под стопами архангела.

Дьячок, увидя это, сказал Д'Акосте:

– Ах, сударь! Что вы делаете? Ведь эту свечку ставите вы дьяволу!

– Не замай, – ответил Д'Акоста, – не худо иметь друзей везде: в раю и в аду. Не знаем ведь, где будем.

* * *

Известный силач весьма осердился за грубое слово, сказанное ему Д'Акостою.

«Удивляюсь, — сказал шут, — как ты, будучи в состоянии подымать одною рукою до шести пудов и переносить такую тяжесть через весь Летний сад, не можешь перенести одного тяжелого слова?»»

* * *

Когда Д'Акоста отправлялся из Португалии, морем, в Россию, один из провожавших его знакомцев сказал:

— Как не боишься ты садиться на корабль, зная, что твой отец, дед и прадед погибли в море!

— А твои предки каким образом умерли? — спросил в свою очередь Д'Акоста.

— Преставились блаженною кончиною на своих постелях.

— Так как же ты, друг мой, не боишься еженощно ложиться в постель? — возразил Д'Акоста.

* * *

На одной вечеринке, где присутствовал и Д'Акоста, все

гости слушали музыканта, которого обещали наградить за его труд. Когда дело дошло до расплаты, один Д'Акоста, известный своею скупостью, ничего не дал. Музыкант громко на это жаловался.

«Мы с тобой квиты, – отвечал шут, – ибо ты утешал мой слух приятными звуками; а я твой – приятными же обещаниями».

* * *

Контр-адмирал Вильбоа, эскадр-майор его величества Петра Первого, спросил однажды Д'Акосту:

– Ты, шут, человек на море бывалой. А знаешь ли, какое судно безопаснейшее?

– То, – отвечал шут, – которое стоит в гавани и назначено на сломку.

* * *

Д'Акоста, человек весьма начитанный, очень любил книги. Жена его, жившая с мужем не совсем ладно, в одну из минут нежности сказала:

– Ах, друг мой, как желала бы я сама сделаться книгою, чтоб быть предметом твоей страсти!

– В таком случае я хотел бы иметь тебя календарем, кото-

рый можно менять ежегодно, — отвечал шут.

* * *

Имея с кем-то тяжбу, Д'Акоста часто захаживал в одну из коллегий, где наконец судья сказал ему однажды:

— Из твоего дела я, признаться, не вижу хорошего для тебя конца.

— Так вот вам, сударь, хорошие очки, — отвечал шут, вынув из кармана и подав судье пару червонцев.

Другой судья, узнав об этом и желая себе того же, спросил однажды Д'Акосту:

— Не снабдите ли вы и меня очками?

Но как он был весьма курнос и дело Д'Акосты было не у него, то шут сказал ему:

— Прежде попросите, сударь, чтоб кто-нибудь ссудил вас порядочным носом.

* * *

Сказывают, что гоф-хирург Лесток имел привычку часто повторять поговорку «благодаря Бога и вас». Д'Акоста, ненавидевший Лестока за его шашни с женой и дочерьми его, Д'Акосты, однажды, в большой компании, на вопрос Лесток:

– Сколько у такого-то господина детей?

Отвечал ему громко:

– Пятеро, благодаря Бога и вас.

* * *

Князь Меншиков, рассердившись за что-то на Д'Акосту, крикнул:

– Я тебя до смерти прибью, негодный!

Испуганный шут со всех ног бросился бежать и, прибежав к государю, жаловался на князя.

– Ежели он тебя доподлинно убьет, – улыбаясь говорил государь, – то я велю его повесить.

– Я того не хочу, – возразил шут, – но желаю, чтоб Ваше Царское Величество повелели его повесить прежде, пока я жив.

* * *

Жена Д'Акосты была очень малого роста, и когда шута спрашивали, зачем он, будучи человек разумный, взял за себя почти карлицу, то он отвечал:

– Признав нужным жениться, я заблагорассудил выбрать из зол, по крайней мере, меньшее.

* * *

Несмотря на свой малый рост, женщина эта (жена Д'Акосты) была сварливого характера и весьма зла. Однако Д'Акоста прожил с нею более двадцати пяти лет. Приятели его, когда исполнился этот срок, просили его праздновать серебряную свадьбу.

– Подождите, братцы, еще пять лет, – отвечал Д'Акоста, – тогда будем праздновать тридцатилетнюю войну.

* * *

В царствование Петра какой-то чужестранец посетил новопостроенный Петербург. Государь принял его ласково, и, вследствие того, все вельможи взапуски приглашали к себе заезжего гостя, кто на обед, кто на ассамблею.

Чужестранец этот, между прочим, рассказывал, что он беспрестанно ездит по чужим землям и только изредка заглядывает в свою.

– Для чего же ведете вы такую странническую жизнь? – спрашивали его другие.

– И буду вести ее, буду странствовать до тех пор, пока найду такую землю, где власть находится в руках честных людей и заслуги вознаграждаются.

– Ну, батюшка, – возразил Д'Акоста, случившийся тут же, – в таком случае вам наверное придется умереть в дороге.

* * *

Д'Акоста, несмотря на свою скупость, был много должен и, лежа на смертном одре, сказал духовнику:

– Прощу Бога продлить мою жизнь хоть на то время, пока выплачу долги.

Духовник, принимая это за правду, отвечал:

– Желание зело похвальное. Надейся, что Господь его услышит и авось либо исполнит.

– Ежели б Господь и впрямь явил такую милость, – шепнул Д'Акоста одному из находившихся тут же своих друзей, – то я бы никогда не умер.

Антонио Педрилло

Пьетро Мира, обыкновенно звавшийся сокращенно Педрилло, родом неаполитанец, явился в Петербург в начале царствования Анны Ивановны петъ роли буффа и играть на скрипке в придворной итальянской опере. Не поладив, однако, с главным оперным капельмейстером Арайя, сметливый Педрилло перечислился в придворные шуты и так удачно исполнял свою новую обязанность, что скоро сделался любимцем императрицы и неизменным карточным ее партнером.

На придворных банкетах она обыкновенно поручала Педрилло держать вместо себя банк и расплачиваться при проигрышах. Благодаря этому обстоятельству Педрилло сумел в короткое время скопить изрядный капиталец, с которым потом благоразумно удалился восвояси. О ловкости его в наживании денег можно судить из следующего анекдота, рассказанного в записках Манштейна. Жена Педрилло была очень невзрачна собою; однажды Бирон, желая посмеяться над ним по этому поводу, спросил его: «Правда ли говорят, что ты женат на козе?» — «Не только правда, — отвечал находчивый шут, — но жена моя беременна и должна на днях родить; смею надеяться, что ваше высочество будете столь милостивы, что не откажетесь, по русскому обычаю, навестить родильницу и подарить что-нибудь на зубок младенцу». Бирон расхохотался и обещал исполнить просьбу. Через несколько дней Педрилло пришел к Бирону с радостным лицом и объявил, что жена его, коза, благополучно разрешилась от бремени, и напомнил об обещании. Выходка эта очень понравилась Анне Ивановне, и она пригласила весь двор навестить шута и поздравить его с семейною радостью. Педрилло достал козу, разукрасил ее лентами и бантами, уложил с собою в постель и с серьезным видом принимал поздравления. Каждый, разумеется, был обязан класть подарок под подушку шута, который приобрел, таким образом, в одно утро несколько сот рублей. Кроме шутовских обязанностей, Педрилло исполнял еще разные поручения императрицы. Через его посредство

выписывались иногда из Италии певцы и певицы для итальянской труппы и покупались для двора драгоценные камни, материи и разные безделушки. С этою целью он неоднократно посылался за границу и даже вступал в переписку с владетельными особами. Когда в 1735 году испанцы вторглись в Тоскану, управляемую слабоумным и бездетным герцогом Гастоном Медичи, Анна Ивановна, желая воспользоваться этим обстоятельством, поручила Педрилло устроить покупку по дешевой цене знаменитого тосканского алмаза. Сохранилось письмо, с которым шут, по ее приказанию, обратился к герцогу.

«Королевское высочество, — писал он, — я поныне должность мою исполнить и вашему высочеству писать пренебрег; но понеже сия оказия ныне подается, чтобы ее императорскому величеству, моей самодержавице, служить, привлекает меня вас сим утруждать. И тако объявляю, что понеже здесь получена ведомость, что владение вашего королевского высочества вступлением неприятельских войск едва не разорено, а именно от вандальских войск, которые свирепыми и жестокими своими поступками разорили земли и, требуя великие контрибуции, в бедственное состояние приводят подданных ваших. Того ради, для облегчения вашего от толикого нападения представляю вам со стороны сей августейшей моей императрицы 15 000 российского войска, да авангардию 40 000 казаков и калмыков; и надеюсь, что по прибытии сего

храброго войска гишпанские войска стараться будут уходить спастись и всю свою храбрость для безопасности среди Африки содержать, а генерал Монтемар и весь гишпанский двор и в Мадриде не без опасности будут. Однако же надлежит для содержания сих храбрых войск, чтобы ваше королевское высочество приказал приготовить довольное число самой крепкой гданской водки, такой, какую ваше королевское высочество пивал, будучи в Богемии, и оною охотно напивался допьяна. Соболаговолите принять мое предложение и увидите, что владения ваши восстановятся, поданные ваши веселиться станут и жизнь вашего королевского высочества двадцать лет еще продолжится. Чаю ж я, что по причине текущего бедствия казна ваша истощена деньгами, и для того представляю вам купить ваш саомобольшой алмаз, о котором слава происходит, что больше его в Италии не имеется; ежели недорогою ценою оный продать намерены, то я вам купца нашел, ибо (правду вам сказать) и я хочу малою прибылью попользоваться. Ее императорское величество намерена тот алмаз купить и деньги за оный заплатить; но изволит, чтоб я себя купцом представил и торговал. Я бы надеялся, что ваше королевское высочество, не имея наследников, не пренебрежет сею оказиею и продажею сего алмаза к ненужде себя приведет, понеже великий Бог ведает, кому после преставления вашего имение ваше достанется. Я вам сие представляю как истинный неаполитанец и добрый приятель и чаю, что таким и от вашего

королевского высочества признан буду. Без замедления соблаговолите ответ мне дать и решительно намерение свое объявить, чтоб я мог деньги и вышеуказанные войска приготовить и бездельникам гишпанцам напуск дать».

Неизвестно, последовал ли ответ на это послание; но тосканский алмаз, весивший 139 1/2 карата, не достался Анне Ивановне, а попал в руки австрийского императора. Странное содержание письма и выбор корреспондента объясняется отчасти слабоумием герцога Гастона и личным знакомством его с Педрилло (как это можно заключить из некоторых выражений в письме).

Однажды царский шут Педрилло⁵ был поколочен кадетами Сухопутного Шляхетного корпуса. Явившись с жалобой к директору этого корпуса барону Люберасу, Педрилло сказал ему:

– Ваше Превосходительство! Меня обидели бездельники из этого дома, а ты, говорят, у них главный. Защити же и помилуй!

⁵ Педрилло (Пьетро Мира Pedrillo) – известный шут, неаполитанец, в начале царствования Анны Иоанновны прибывший в Петербург для пения ролей буффа и игры на скрипке в придворной итальянской опере. Не поладив с Арайо, Педрилло перечислился в придворные шуты и скоро сделался любимцем императрицы и неизменным карточным ее партнером. Нажив состояние, он после смерти императрицы возвратился на родину. См. С. Шубинский, «Исторические очерки и рассказы» (СПб., 1893; 3 изд.: «Придворный и домашний быт императрицы Анны Ивановны», стр. 117–119).

* * *

Педрилло дал пощечину одному истопнику, и за это был приговорен к штрафу в три целковых.

Бросив на стол вместо трех шесть целковых, Педрилло дал истопнику еще пощечину и сказал:

– Ну, теперь мы совсем квиты.

* * *

Жена Педрилло была нездорова. Ее лечил доктор, спросивший как-то Педрилло:

– Ну что, легче ли жене? Что она сегодня ела?

– Говядину, – отвечал Педрилло.

– С аппетитом? – любопытствовал доктор.

– Нет, с хреном, – простодушно изъяснил шут.

* * *

Василий Кириллович Тредиаковский, известный пиит и профессор элоквенции⁶, споря однажды о каком-то ученом предмете, был недоволен возражениями Педрилло и на-

⁶ Элоквенции – устар. ораторское искусство, красноречие (также в качестве учебной дисциплины)

смешливо спросил его:

– Да знаешь ли, шут, что такое, например, знак вопросительный?

Педрилло, окинув быстрым, выразительным взглядом малорослого и сутуловатого ТрEDIAKовского, отвечал без запинки:

– Знак вопросительный – это маленькая горбатая фигурка, делающая нередко весьма глупые вопросы.

* * *

Генерал-лейтенант А. И. Тараканов в присутствии Педрилло рассказывал, что во время Крымской кампании 1738 года даже генералы вынуждены были есть лошадей.

Педрилло изъяснил живое сожаление о таком бедствии, и генерал в лестных выражениях благодарил шута за его участие.

– Ошибаетесь, Ваше Превосходительство, – отвечал Педрилло, – я жалею не вас, а лошадей.

* * *

В одном обществе толковали о привидениях, которых Педрилло отвергал положительно. Но сосед его, какой-то придворный, утверждал, что сам видал дважды при лунном све-

те человека без головы, который должен быть не что иное, как привидение одного зарезанного старика.

— А я убежден, что этот человек без головы — просто ваша тень, господин гоф-юнкер, — сказал Педрилло.

* * *

Когда Педрилло находился еще в Италии, один сосед попросил у него осла. Педрилло уверял его, что отдал осла другому соседу, и сожалел, что просивший не сказал о своей надобности прежде. Пока они разговаривали, Педриллин осёл закричал.

— А! — молвил сосед, — твой осел сам говорит, что он дома и что ты лжешь.

— Как же тебе не стыдно, соседушка, верить ослу больше, нежели мне, — возразил шут.

* * *

Один флорентийский итальянец, обокрав сочинение тамошнего писателя г. Данта и наполнив собственное сочинение его стихами, читал свое мастерство Педрилло. Шут при каждом украденном стихе снимал колпак и кланялся.

— Что вы делаете, г. Педрилло? — спросил мнимый автор.

— Кланяюсь старым знакомым, — отвечал Педрилло.

* * *

Герцог Бирон для вида имел у себя библиотеку, директором которой назначил он известного глупца Гольдбаха. Педрилло с этих пор называл директора герцогской библиотеки не иначе как евнухом. И когда у Педрилло спрашивали:

– С чего взял ты такую кличку?

То шут отвечал:

– Как евнух не в состоянии пользоваться одалисками гарема, так и господин Гольдбах – книгами управляемой им библиотеки его светлости.

* * *

Быв проездом в Риге, Педрилло обедал в трактире и остался недоволен столом, а еще больше – высокой платой за порции. В намерении отомстить за это он при всех спросил толстого немца-трактирщика:

– Скарн-ка, любезный, сколько здесь, в Риге, свиней, не считая тебя?

Взбешенный немец замахнулся на Педрилло.

– Постой, братец, постой! Я виноват, ошибся. Хотел спросить: сколько здесь, в Риге, свиней с тобою!

* * *

На одном большом обеде против Педрилло сидел один придворный, известный мот, проюрдонивший все свое состояние. Слыша чье-то замечание, что придворный этот ничего не кушает, шут возразил:

– Что ж тут мудреного? Он уже все свое скушал.

* * *

Педрилло, прося герцога Бирона о пенсии за свою долгую службу, приводил как довод уважение, что ему нечего есть. Бирон назначил шуту пенсию в 200 рублей.

Спустя несколько времени шут опять явился к герцогу с просьбою о пенсии же.

– Как, разве тебе не назначена пенсия?

– Назначена, Ваша Светлость! и благодаря ей я имею, что есть. Но теперь мне решительно нечего пить.

Герцог улыбнулся и снова наградил шута.

* * *

Поваренок, украв с кухни Педрилло рыбу, уносил ее под фартуком, который был так короток, что рыбий хвост торчал

из-под пего наружу. Увидев это, Педрилло окликнул вора:
– Эй, малый! Коли вперед вздумаешь красть, то бери рыбу покороче или надевай фартук подлиннее.

* * *

Брат жены Педрилло, выдав дочь замуж, просил Педрилло не сухо принять нового родича.

Педрилло выпросил у Густава Биро на часа на два пожарную трубу Измайловского полка и, установив ее как раз напротив двери, в которую должен был входить новый родич, наполнил заливной рукав водой.

Лишь только гость показался в дверях, Педрилло собственноручно отвернул все клапаны заливного рукава и окатил гостя с головы до ног.

– Скажи же тестю, что я исполнил его желание и принял тебя, как видишь, не сухо.

* * *

Граф Вратислав, цесарский посол при русском дворе, любил кичиться своими предками. Заметив это, Педрилло сказал ему однажды в присутствии большого общества:

– Тот, кто хвалится только одними предками, уподобляет себя картофелю, которого все лучшее погребено в земле.

* * *

Отобедавав однажды в соседнем трактире, Педрилло хватился, что с ним нет кошелька, и просил трактирщика обождать уплату до следующего раза. Но трактирщик был неумолим и снял с Педрилло верхнее платье, которое оставил у себя в залог.

Педрилло решился отомстить. В этих видах он, квартируя рядом с трактиром, начал прикармливать трактирную птицу: кур, цыплят, гусей и индеек. И когда птица эта, привыкнув захаживать к Педрилло, была вся в сборе у шута, он ощипал с нее все перья и в таком виде отпустил кур, цыплят, гусей и индеек домой. Трактирщик взбесился.

— Я поступил с ними точно так, как ты со мною, — говорил в свое оправдание шут. — Я потребовал с них денег за месячный корм. Они не могли заплатить — и я снял с них верхнее платье.

* * *

В Петербурге ожидали солнечного затмения. Педрилло, хорошо знакомый с профессором Крафтом, главным петербургским астрономом, пригласил к себе компанию простаков, которых уверил, что даст им возможность видеть затме-

ние вблизи; между тем велел подать пива и угощал им компанию. Наконец, не сообразив, что время затмения уже прошло, Педрилло сказал:

– Ну, господа, нам ведь пора.

Компания поднялась и отправилась на другой конец Петербурга. Приехали, лезут на башню, с которой следовало наблюдать затмение.

– Куда вы, – заметил им сторож, – затмение уж давно кончилось.

– Ничего, любезный, – возразил Педрилло, – астроном мне знаком – и все покажет сначала.

* * *

А. П. Сумароков⁷

На экземпляре старинной книжки: «Честный человек и плут. Переведено с французского. СПб., 1762» записано покойным А. М. Евреиновым следующее:

«Сумароков, сидя в книжной лавке, видит человека, пришедшего покупать эту книгу, и спрашивает: „От кого?“ Тот отвечает, что его господин Афанасий Григорьевич Шишкин

⁷ Сумароков А. П. (1717–1777) – драматург, баснописец, теоретик стихосложения, один из ведущих представителей русского классицизма; славился своей литературной обидчивостью.

послал его купить оную. Сумароков говорит слуге: „Разорви эту книгу и отнеси Честного человека к свату твоего брата Якову Матвеевичу Евреинову, а Плута – вручи своему господину“».

* * *

На другой день после представления какой-то трагедии сочинения Сумарокова к его матери приехала какая-то дама и начала расхваливать вчерашний спектакль. Сумароков, сидевший тут же, с довольным лицом обратился к приезжей даме и спросил:

– Позвольте узнать, сударыня, что же более всего понравилось публике?

– Ах, батюшка, дивертисмент!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.